

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ПАЖ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

 *Санкт-Петербург,
зима 1738 года*

Карета тряслась немилосердно. Молодой человек, зябко кутавшийся в плащ, с тоской смотрел на проплывающие за окном заснеженные поля. Он ехал уже четвертые сутки, и порой ему начинало казаться, что этой дороге не будет конца.

— Скоро ли? — спросил он у кучера.

— К вечеру будем, ваша милость, — отозвался тот, не оборачиваясь. — Если метель не начнется.

Карл вздохнул. Метель сейчас была совсем некстати. Он и так уже опаздывал — герцог Антон Ульрих, его покровитель, писал, что место пажа при дворе будет его ждать, но, увы, совсем недолго.

Юноше шел восемнадцатый год. Родился он в Боденвердере — старинном родовом поместье, где его предки жили с незапамятных времен. Его отец Георг Отто фон Мюнхгаузен служил некогда в ганноверской армии, но рано вышел

в отставку и с тех пор из поместья не выезжал. Мать Карла умерла, когда он был еще ребенком. Так что выбор у молодого барона был невелик: либо прозябать в деревне, охотиться на зайцев и слушать бредни соседей, либо отправиться на поиски счастья на чужбине.

Он выбрал чужбину.

Герцог Антон Ульрих приходился Карлу дальним родственником по материнской линии. Услышав о желании юноши поступить на русскую службу, он одобрил его выбор и обещал оказать содействие. И вот теперь Карл трясся в карете, увозящей его в неведомую страну, о которой в Германии ходили самые разные слухи: одни рассказывали, что там медведи по улицам ходят, а другие — что московский двор куда роскошнее версальского. Правда, как обычно, лежала где-то посередине.

Санкт-Петербург встретил путника ветром и снегом. Когда карета наконец-то остановилась, Карл смог выйти и размять затекшие ноги. Он стоял на огромной заснеженной площади, посреди которой высился недостроенный собор, и пытался понять, куда ему теперь идти.

— Барон Мюнхгаузен? — слышалось откуда-то сбоку.

Карл обернулся. Перед ним стоял человек в зеленом мундире с лицом, изъеденным оспой, и маленькими живыми глазками.

— Я адъютант его светлости, — представился человек. — Велено доставить вас во дворец. Следуйте за мной.

Они пошли по скользким доскам тротуара, лавируя между сугробами. Карл вертел головой, пытаясь запомнить дорогу, но все сливалось воедино: снег, фасады, редкие фонари, патрули с ружьями.

— Не отставайте, — бросил адъютант. — Здесь легко заблудиться.

— А где мы сейчас? — поинтересовался Карл.

— Адмиралтейская сторона, — коротко ответил провожатый. — Вон там — Зимний дворец. Там — Невский проспект. Там — Нева. Запомните на будущее, пригодится.

Карл согласно кивнул, хотя и понимал, что ничего он не запомнил.

Во дворце было тепло. Настолько тепло, что у него сразу защемило в носу и потекло из глаз: оказался контраст с уличным морозом. Он стоял в прихожей, счищая снег с сапог, и с любопытством разглядывал стены, обитые штофом, зеркала в тяжелых рамах и лакеев в расшитых ливреях. Запах воска, дерева и чего-то пряного — может быть, ладана — кружил голову.

— Сюда, — позвал адъютант, и они направились по анфиладе комнат. Карл старался ступать тихо, но сапоги все равно скрипели на паркете. В одной из гостиных их ожидал невысокий плотный мужчина в парике и темном кафтане.

— Барон, — обратился он, вставая навстречу, — рад видеть вас в Петербурге.

Карл поклонился, понимая, что перед ним сам герцог Антон Ульрих.

— Ваша светлость, я тронут вашей добротой...

— Без церемоний, — махнул рукой герцог. — У нас здесь все просто. Присаживайтесь. Рассказывайте, как доехали.

Карл рассказал. Герцог слушал его краем уха, то и дело поглядывая в окно.

— Хорошо, — сказал он, когда Карл закончил свой рассказ. — Завтра вас представят ко двору. Императрица любит молодых людей. Держитесь скромно, не высовывайтесь, смотрите в оба. Здесь, барон, глаза важнее языка.

— Я понял, ваша светлость.

— Вряд ли, — усмехнулся герцог. — Но со временем обязательно поймете. А теперь ступайте, вам покажут вашу комнату.

Комната оказалась маленькой, но чистой. Одно окно, кровать, стул, умывальник. Карл опустился на кровать и долго сидел, глядя в потолок.

Что он здесь делает? Зачем уехал за тридцать земель, покинув отчий дом? Ради чего? Ответа на эти вопросы Карл не знал. Но где-то в глубине души шевелилось странное чувство, будто здесь он оказался не случайно и впереди

его ждет нечто важное. Что-то такое, что навсегда изменит всю его жизнь.

— Глупости, — подумал он вслух. — Просто устал с дороги.

Он лег, закрыл глаза и провалился в глубокий сон без сновидений.

Проснулся Карл от странного ощущения того, что на него кто-то смотрит. Он открыл глаза. В комнате было темно, но на фоне окна вырисовывался чей-то силуэт. Незнакомец стоял и молча смотрел на него.

— Кто здесь? — крикнул Карл, хватаясь за подсвечник.

Силуэт не двигался. Карл вскочил с кровати, чиркнул кресалом, и свет озарил пустую комнату. Никого.

— Привиделось, — с облегчением выдохнул он.

Но ощущение чьего-то пристального взгляда не проходило. Это чувство осталось с ним навсегда — словно предвестник того, что однажды откроется полностью.

На следующее утро его повели представляться ко двору.

Зимний дворец порастил Карла своим величием. Молодой человек, выдавший до этого только немецкие княжеские резиденции, был

ошеломлен. Золото, мрамор, зеркала, хрусталь — все это сливалось в какой-то фантастический сон, где реальность переплеталась с иллюзией. Воздух был тяжелым и сладковатым, а от множества людей, теснившихся в помещении, пахло духами и потом.

В тронном зале было многолюдно. Придворные в расшитых мундирах и пышных платьях тихо перешептывались, косясь на высокую женщину в центре зала.

Императрица Анна Иоанновна восседала на троне, положив руку на подлокотник. Она была крупна, грузна, но в ее стати чувствовалась порода. Глаза смотрели тяжело, исподлобья, словно она оценивала каждого, кто входил в зал, и сразу выносила приговор.

Карл подошел и опустился на одно колено.

— Ваше Императорское Величество...

— Встаньте, — голос императрицы был низким, почти мужским. — Покажитесь.

Юноша встал. Анна Иоанновна оглядела его с ног до головы.

— Молод, — обернулась она к кому-то из свиты. — Но видный. Герцог, вы говорите, он из хорошей семьи?

— Из очень хорошей, ваше величество, — подтвердил Антон Ульрих.

— Ладно, — махнула рукой императрица. — Зачисляйте. Место пажа для него найдется. Пусть учится.

Карл поклонился и попятился к выходу, как того требовал этикет. У самых дверей он обернулся, и на мгновение ему показалось, что тронный зал изменился. Воздух стал холоднее, запахло сыростью и плесенью — словно в склепе. Вместо императрицы на троне сидел скелет в парчовом платье, обтянутый высохшей кожей. Вместо придворных беззвучно скользили тени, а вместо золота на стенах виднелись зеленые пятна плесени. А вокруг — тишина, такая густая, что звон в ушах стал невыносимым. Он зажмурился, тряхнул головой — и все вернулось на свои места: императрица, придворные, золото.

— Что с вами? — спросил герцог, неожиданно оказавшийся рядом. — Вы побледнели.

— Ничего, ваша светлость, — выдавил Карл. — Должно быть, устал с дороги.

— Отдохните, — посоветовал герцог. — Здесь не любят бледных.

Карл вышел в коридор и прислонился к стене. «Что это было? — думал он. — Просто усталость? Или...»

Тогда он еще не знал, что такие видения будут преследовать его всю жизнь. Что иногда он будет видеть то, чего нет, а иногда — то, что произойдет в будущем. Что люди будут считать его чудаком, а некоторые — даже сумасшедшим.

Но сейчас, в свои почти восемнадцать, он просто испугался. И постарался забыть.